УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ КАЗАНСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА
Том 149, кн. 4 Гуманитарные науки *2007*

УДК 316.022

МНОЖЕСТВЕННЫЕ ИДЕНТИЧНОСТИ ТАТАРСКОГО СООБЩЕСТВА Г. НЬЮ-ЙОРКА (ОПЫТ ПОЛЕВОГО ИССЛЕДОВАНИЯ ЗА РУБЕЖОМ)

Л.Р. Низамова

Аннотация

В статье представлены замысел и результаты проекта «Возвращение этнического: мультикультуралистские ценности и практики в условиях глобализации», который был сфокусирован на исследовании татарского меньшинства в США. Американская ассоциация татар г. Нью-Йорка стала организационной базой сбора данных о татарском сообществе и социологического интервьюирования. Выборка включала волжских татар, имеющих гражданство США или постоянный вид на жительство («грин-карту»). Изучение этнических, национальных и религиозных ценностей и практик группы, оценка их взаимоотношения легли в основу центрального вывода о множественности культурных и политических идентичностей волжских татар США.

Контекст, выборочная совокупность и методы исследования. Требование эмпирической обоснованности и доказательности, присущее социологической науке, является одним из ее преимуществ и в то же время связано с большой ответственностью. Полевой сбор социальных данных, постоянная апелляция к ним, возможность с их помощью подтвердить или опровергнуть существующие теоретические представления отличают социологический стиль исследования и выделяют его среди других подходов и практик. Работа в «своем» поле таит немало трудностей и преград, но еще более сложная и нестандартная ситуация для социолога, всегда являющегося представителем той или иной культурной традиции, государства, территории, – это полевая работа в другой стране с иными этнонациональными традициями и социально-политическими ценностями.

Проект «Возвращение этнического: мультикультуралистские ценности и практики в условиях глобализации», сфокусированный на знакомстве с американским татарским сообществом и изучении особенностей мультикультуралистской политики США, был осуществлен в г. Нью-Йорке[1]. Город Нью-Йорк стал одной из наиболее удобных «площадок» для проведения задуманного исследования, так как именно в нем и близлежащих городах и штатах проживает одна из крупных диаспор волжских татар США. В то же время в сравнении с другими этническими и расовыми группами Соединенных Штатов она крайне

[1] Полевое исследование проведено при поддержке Программы Фулбрайт в октябре 2002 г. – апреле 2003 г.

малочисленна и, по разноречивым оценкам, составляет около 2 тыс. человек. Эта цифра не включает (что вполне оправданно) крымских татар и польских татар и действительно невелика. В «Гарвардской энциклопедии американских этнических групп» татарам посвящена одна объединяющая их статья, в которой приверженность исламу выделяется как общий характерный признак. Вместе с тем, справедливо отмечаются их специфические характеристики: особенности исторического развития, культурная отличительность, различия языков, – свидетельствующие о необходимости рассмотрения крымских, волжских (казанских) и польских (литовских) татар как отдельных этнических групп [1, с. 988–990].

Нисколько не удивительно, что по своей численности татарская диаспора на порядки меньше этнических сообществ советских и российских евреев, русских, украинцев, армян. Кроме того, отсутствуют места компактного их проживания; данная этническая группа очень рассеяна, что не может не осложнять проведения полевой работы. В целом, наибольшее количество волжских татар проживает в крупнейших мегаполисах и пригородах таких городов, как Сан-Франциско, Лос-Анджелес, Вашингтон, Нью-Йорк, которые являются «иммигрантскими воротами» в страну. Вновь прибывающим иммигрантам, независимо от этнического происхождения, того, где они жили прежде и каковы мотивы эмиграции, в этих городах легче адаптироваться, т. е. включиться в новую культурную, экономическую и политическую среду и быть принятыми ею. Адаптация приехавших в США индивидов и групп, вне всякого сомнения, приобретает разные формы: ассимиляции, аккультурации, интеграции и, что тоже не исключается, «геттоизации».

И на восточном, и на западном побережьях США есть работающие на постоянной основе ассоциации волжских татар: Американская ассоциация татар (The American Tatar Association, Inc.) в г. Нью-Йорке и Американская тюрко-татарская ассоциация (The American Turko-Tatar Association) близ г. Сан-Франциско в Калифорнии. Нью-Йоркское общество волжских татар и стало первичной организационной базой взаимодействия с соплеменниками и значимым каналом поиска и установления контактов с потенциальными участниками запланированных интервью.

Сбор эмпирических данных был проведен с помощью таких методов, как исследование личных биографий и семейных историй посредством свободных неформализованных интервью и включенного наблюдения. Выбор именно этих способов получения искомой информации объясняется рядом причин:

• во-первых, данная тема крайне мало освещена и представлена единичными и эпизодическими публикациями, прежде всего на английском и татарском языках, некоторыми материалами в Интернете;

• во-вторых, сравнительно небольшая изученность татарского сообщества США обусловливается не только идеологическими ограничениями и запретами, довлевшими над исследователями в советском прошлом, но и отсутствием опубликованных или просто доступных (статистических, литературных, исторических, организационных и пр.) источников, которые бы позволили раскрыть историю татарской эмиграции с исторической родины и иммиграции на североамериканский континент. И сейчас в силу малочисленности американских татар и отсутствия сильных этнических организаций (своих средств массовой

информации, школ, других публичных институтов) письменные и печатные организационные источники крайне скудны;

• в-третьих, до начала 1990-х годов доступ к англоязычной информации был по большей части закрыт, кроме того, и она была очень небольшой. Как показало обследование фондов Нью-Йоркской публичной библиотеки и некоторых университетских библиотек города, безоговорочно доминирует литература о меньшинствах в СССР и советской этнической политике, тюркской и крымско-татарской истории, истории волжских татар (локализованной прежде всего на территории современного Татарстана и РФ), книги, изданные в Татарстане о татарской истории, языке, культуре и татарстанской современности. Как уже было упомянуто выше, татары как этническая группа США представлены в небольшой статье А. Беннигсен в «Гарвардской энциклопедии американских этнических групп», но в схожих по тематике изданиях более позднего времени они даже не упоминаются [2, 3];

• в-четвертых, существующие по данной тематике тексты, главным образом татароязычные, не носят собственно научного характера и представлены прежде всего публицистическими [4] и журналистскими[1] работами и статьями в татарстанских СМИ (многие из них связаны с освещением участия татар из-за рубежа в одном из трех состоявшихся в г. Казани Всемирных конгрессов татар). Отсутствие строгих научных процедур отбора данных, проверки на достоверность и представительность материала, неимение у авторов (часто деятелей культуры, литераторов, политиков из Казани), на короткий срок приезжающих в США, возможности по-настоящему углубиться в содержание и смысл существующих этнокультурных практик, имеет свои отрицательные последствия. Это неточности и погрешности выводов, скороспелые заключения и их односторонность, эмоциональность в подходе, зависимость от социально-политической конъюнктуры. Кроме того, многие из них по объективным причинам просто устарели. Так, например, упомянутая выше статья А. Беннигсен фокусирует свое внимание на татарской иммиграции в США конца 1950–1960-х годов, которая долгие годы (это в большой степени верно и сейчас) являла собой «лицо» американских волжских татар. Это значит, что в энциклопедии 1980-го года издания не отражена (и не могла быть отражена) постсоветская эмиграция татар из республик бывшего СССР. Без рассмотрения роли и социокультурных результатов «новой» иммиграции 1990-х годов понимание жизнедеятельности современной татарской диаспоры США не может быть удовлетворительным.

Малая изученность вопроса, отсутствие информационно насыщенных и достоверных источников, особенности и трудности «работы в поле» за рубежом, по сути, не оставляли выбора. Следовало почти «с нуля» собирать материал о сегодняшнем дне диаспоры нью-йоркских татар. Это сделало наше исследование пилотным и поисковым по своему характеру.

За 6 месяцев состоялось около 70 встреч-знакомств и было проведено 24 свободных биографических интервью с татарами, имеющими гражданство США или постоянный вид на жительство («грин-карту») и преимущественно живущими в стране не менее 6 лет. Большая часть этих встреч и интервью состоя-

[1] Например, телепрограмма «Татары в Америке», ГТРК «Татарстан», 28.08.1997.

лась в г. Нью-Йорке и прилегающих к нему территориях Лонг-Айленда и штата Нью-Джерси; кроме того, в интервью приняли участие респонденты, живущие в Вашингтоне (округ Колумбия), Чикаго, Сиэттле, Мэдисоне (штат Висконсин). Подавляющее большинство интервью было записано на диктофон, что впоследствии позволило тщательно и детально анализировать рассказанные респондентами биографические истории, отраженные в печатных транскрипциях.

Статистическая характеристика выборочной совокупности исследования «Американские татары»:

1. Распределение по языку интервью

русский	татарский	английский	русско-татарский	англо-татарский
12	6	4	1	1

2. Распределение по полу

мужской	женский	семейные интервью
11	11	2

3. Распределение по «волнам иммиграции»

Первая («старая») волна	Вторая («новая») волна
9	15

4. Распределение по возрасту

18–25 лет	25–40 лет	40–55 лет	Старше 55 лет
1	8	8	7

5. Распределение по «прежнему» (до 1990 г.) гражданству

Американское (ранее из Китая, Турции, Кореи)	российское	узбекское	другое
9	7	5	1 (финское) 1 (казахское) 1 (киргизское)

6. Текущий гражданский статус

Американское гражданство	Грин-карта	Двойное гражданство
12	4	5
Рабочая виза	Нелегальный статус	Без гражданства
1	1	1

7. Продолжительность проживания в США

до 10 лет	11–20 лет	21–30 лет	Более 31 года
11	3	2	8

Концептуальный замысел исследования

Многие социальные теоретики полагали, что локальные территориальные и этнические идентичности будут неизбежно нивелированы в условиях становления индустриального общества, что этничность – это феномен, не согласующийся с основными характеристиками эпохи модерна. Однако тенденции со-

циальной эволюции последних десятилетий XX века серьезно подорвали эти представления. Данный период был ознаменован заметным ростом национализма и трансформацией этнических, региональных, национальных идентичностей в самых разных странах Старого и Нового Света. Новым социокультурным фоном этих процессов стала усиливающаяся экономическая, политическая и культурная глобализация с ее мощными интеграционными и унифицирующими эффектами. Однако, несмотря на нивелирующее воздействие глобализации, отличительные этнические культуры не исчезли, не растворились, а, напротив, уверенно заявили о себе, что позволило социальным исследователям заговорить об «этническом ренессансе». «Возвращение этнического» со всей очевидностью свидетельствовало о том, что политика «плавильного котла», которая проводилась во многих иммигрантских странах Нового Света до 1960-х годов, зашла в тупик. Все настойчивее выдвигались требования в защиту культурного плюрализма, признания прав меньшинств на сохранение своей культуры, способствовавшие легитимации политики и идеологии мультикультурализма. Впервые мультикультурализм как альтернатива ассимиляции и геттоизации был реализован в странах Нового Света – Канаде и Австралии. Однако позже он был признан не только в США, но и во многих странах Западной Европы, что позволило обществоведам открыть продолжающуюся по сей день дискуссию о достоинствах и недостатках мультикультурализма.

Кейс-стади «Американские татары» позволило рассмотреть довольно широкий круг вопросов:

• во-первых, получить новое знание о татарской диаспоре США сегодняшнего дня, особенностях ее этнического, религиозного, национального самосознания, траекториях и каналах иммиграции;

• во-вторых, изучить специфику мультикультуралистской политики Соединенных Штатов, способы и механизмы ее реализации;

• в-третьих, выявить общее и особенное в процессе «возвращения этнического» в западных индустриальных странах (на примере США) и в посткоммунистических странах (на примере Российской Федерации); определить возможность применения мультикультуралистской программы в современной России;

• в-четвертых, оценить соотношение экспрессивистской и инструменталистской ролей этничности на примере исследования этнонациональной идентичности волжских татар.

В данной работе внимание сосредоточено лишь на одной из составляющих реализованного проекта, а именно на особенностях и соотношении этнической, религиозной и национальной идентичностей волжских татар, постоянно проживающих в США. Проведенные биографические интервью показали, что не существует единой и консолидированной культурной и этнонациональной идентичности. Она в значительной степени фрагментирована и плюралистична. Этническая, религиозная, территориальная, национальная идентичности неоднозначным образом «сходятся» и «расходятся», пересекаются и накладываются друг на друга. Множественность идентичности американских татар обусловлена целым рядом факторов.

1. Действие «эмиграционно-иммиграционного эффекта». Все опрошенные родились за пределами США и являются представителями первого поколения

иммиграции в эту стану. Вместе с освоением норм и ценностей доминирующей американской культуры во многом сохраняются и достаточно устойчиво воспроизводятся прежние лояльности и культурные ориентиры (турецкие, японские, китайские для татар-выходцев из этих стран и советские, российские или ташкентские для татар постсоветской волны эмиграции).

2. «Глобализационный эффект» способствует тому, что приверженность старым ценностям на новой земле уже более не является фактором маргинализации (или геттоизации) группы или индивида. Теперь мультикультуралистская терпимость общества позволяет иммигрантам оставаться самими собой. Причем, не просто сохранять старый культурный багаж (говорить на родном татарском языке, исповедовать ислам и соблюдать традиционные религиозные обряды, отмечать народные праздники, например, Сабантуй), но постоянно пополнять и обновлять его за счет поддержания устойчивых контактов с «исторической родиной» (часто с помощью Интернета, благодаря поездкам на родину, современным средствам аудио- и видеозаписи).

3. Источником «множественной идентичности» американских татар является принадлежность к одной из двух волн иммиграции, различающихся по стране эмиграции, причинам и каналам. Хотя первые татарские семьи появились на североамериканском континенте еще в начале XX века, по-настоящему массовыми стали две более поздние волны. Первая приходится на конец 1950-х – начало 1960-х годов (назовем ее «старой волной», а ее участников – «старыми татарами»). Траектория этой волны была весьма причудлива и сложна, а по времени заняла несколько десятков лет. Большая часть «старых татар», теперь уже давно граждан США, проживающих в этой стране более 30 лет, прибыли из Турции, куда были вынуждены перебраться после победы коммунистических сил в Китае и получения настойчивого предложения найти для себя новое местожительство. Значительное число казанских татар (наряду с русской эмиграцией) оказались в Китае в годы революционного лихолетья, после событий большевистского переворота 1917 года. Некоторое число американских татар проживало также в Японии и даже Корее. Особенностью «старых татар» является то, что многие их них родились за пределами территорий традиционного проживания волжских татар в Татарстане и РФ, но, тем не менее, сохранили свою этническую идентичность (знание родного языка, приверженность своей религии). В то же время традиционные элементы этнической культуры неизбежно под влиянием новой социокультурной среды были дополнены (или несколько видоизменены) специфическими региональными или национальными компонентами (например, турецкими вкраплениями и дополнениями в татарский язык, сочетанием татарских блюд с элементами китайской кулинарии и т. п.).

Вторая массовая волна татарской эмиграции («новая волна») приходится на 1990-е годы и является частью постсоветской эмиграции, ставшей возможной в условиях демонтажа тоталитарного режима в советских республиках и распада СССР. В отличие от вынужденной по своему характеру «старой волны» «новая» была в политическом плане добровольной. Ее источником стали появившиеся после развала СССР новые государства, в которых традиционно проживали этнические татары: РФ, Узбекистан, Кыргызстан, Казахстан, Украина и другие.

4. У представителей разных волн иммиграции по-разному выражены и неоднозначно соотносятся этническое и национальное самосознание, что также оказывается фактором фрагментации групповой идентичности и личного «Я» человека. Так, например, не редки случаи двойного гражданства (российско-американского, турецко-американского), являющиеся не просто случайным фактом биографии, а прагматическим выбором респондента. Лояльность по отношению к американскому национальному сообществу не исключает сохранения идентификации с прежним гражданством и воспроизводства старых политических и культурных идентичностей (например, во многом уже не существующей «советской»). Источником диверсификации этнокультурной идентичности американских татар стали различия социального опыта и неравенство достижений, обретенных в новой стране проживания (значительного по времени опыта с неоспоримыми экономическими и профессиональными результатами у «старых преуспевающих татар» и чаще небольшого как временного, так и социально-экономического – у «новых выживающих»).

Если учесть вышеприведенные моменты, оказывается, что можно быть и считать себя этническим татарином, но при этом знать или не знать татарский язык, стремиться на нем говорить или предпочитать другой язык общения; выражать приверженность мусульманской традиции или занимать позицию рефлективной критики ислама и религии вообще; ощущать близость с Татарстаном и Россией или дистанцироваться от них; связывать свое будущее с жизнью и работой в Америке или планировать «челночные» поездки на старую родину (а то и вовсе возвращение навсегда после выхода на пенсию).

5. Еще одним источником множественности этнонациональной идентичности американских татар является исторически сложившаяся дисперсность их расселения на территории бывшего СССР. Разделительные линии не только существуют между «старыми» и «новыми» татарами, говорящими на татарском языке и не владеющими им и т. п., но и складываются в связи с различиями регионального происхождения и территории проживания на старой родине (т. е. между российскими и среднеазиатскими татарами или казанскими, ташкентскими, пензенскими и др.). Хотя многие респонденты отмечали единство татар и их принадлежность к одному народу, они, тем не менее, также признавали наличие особенностей и различий регионального характера (речевых нюансов и диалектов, отличительных черт обычаев и праздников).

Следует подчеркнуть, что выявленная в данном исследовании множественность этнонациональной идентичности американских татар не означает отсутствия устойчивых социальных связей между ее членами или чувства социальной солидарности. Различение «свои» – «чужие» внутри татарского сообщества оказывается весьма подвижным и изменчивым, как и сама татарская этническая идентичность в системе культурных различий более широкого плана. Так, в ряде случаев для представителей «старой волны» «своими» считаются мусульмане вообще или татары в целом, включая крымских и польских татар, а с точки зрения «новых татар», «свои» – это часто «советские», «русские» или «русскоязычные».

Татарская идентичность и чувство «татарскости»

При проведении данного исследования вопрос об этничности индивида не задавался информантам прямо; ответ на него выявлялся при рассмотрении истории семьи (предков, бабушек-дедушек, родителей). Только в том случае, если тема «татарского» не обнаруживалась в рассказе респондента, ему задавался вопрос о его (или предков) этническом происхождении. Следующим шагом было определение степени значимости этнической идентичности для опрашиваемого. В целом было выявлено две основные точки зрения: 1) уверенное признание ее значимости и 2) спокойно-нейтральная констатация важности татарской идентичности. Еще более разноречивыми оказались взгляды, представления, ощущения респондентов относительно того, «что значит быть татарином или татаркой». Спектр ответов включал в себя следующие позиции[1]:

1. Привязанность, любовь и уважение к своей этнической традиции, желание ее сохранить и передать:

«Быть татарином – это, во-первых, уважение к моим дедам, уважение к бабушкам. Уважение к народу. Уважение к языку» [И.6];

«Что я заметила, они [американцы] в обществе тоже стараются сохранить то, что от их нации сохранилось, и они пытаются это сохранить и говорят: «Нет, вот я – армянин». И мы тоже, мне кажется, тоже пытаемся сказать: «Я». Хотя мы и *minority* [в переводе с англ. яз. «меньшинство»], мы хотим сказать: «Нет, мы не русские… Да, мы знаем русский язык, но мы – татары». У нас есть своя культура, свои что-то…, что мы можем быть *proud of* [в переводе с англ. яз. «гордиться»], например, музыка, искусство, что мы тоже очень талантливые люди…» [И.2];

«Это знать историю и культуру татарского народа и уметь рассказать о них другим людям» [И.17].

2. «Примордиалистская заданность» этничности, выражаемая, например, словами:

«…начнем с того, что я родился таким» [И.1] или «Ну, я считаю, что я родилась татаркой и есть татарка» [И.7].

3. Этничность как начало, «сопротивляющееся» рациональному объяснению и толкованию:

«Ну, я не знаю. Я, наверное, даже не смогу объяснить это. Ну, это хороший народ. Это мой народ» [И.5];

«…существует какой-то душевный контакт, который нельзя ни передать словами, ни описать ни на каком языке» [И.1].

4. «Экспрессивистское» объяснение, т. е. этничность как способ выражения своего «Я», идентичности человека:

«Другие стараются сохранить свое, мы тоже пытаемся сказать «Я» [И.2];

«…в конечном счете, каждый хочет сказать свое «Я». Это одно из «Я», которые человек будет иметь, как и другая национальность» [И.1].

5. Этничность как феномен, являющийся результатом взаимодействия с «другими», с представителями иной культуры и предполагающий формирова-

[1] Цитаты из интервью на татарском и английском языках приведены в переводе на русский язык.

ние чувства включенности/исключенности, т. е. в конечном счете – этнических границ:

«Ну, в армии сталкиваешься как-то с людьми другой национальности» [И.8].

Респондент, родившийся в Турции, вспоминал обиды и оскорбления, нанесенные ему в стране рождения, и отмечал: «С детства турецкость не приклеилась [к нему]. Не касалась. Отец-мать были татарами» [И.9].

6. Этничность, принимаемая просто как факт и не играющая главную и определяющую роль в текущей жизни:

«…я никогда не думаю о том, важно или не важно на самом деле, потому что я являюсь татарином» [И.8].

7. Неоднозначность и изменчивость этнической идентичности. Это качество этничности лишь в редких случаях оговаривается респондентами; оставаясь часто неотрефлектированным, оно иллюстрируется их реальной жизненной историей и мироощущением.

Так, один из респондентов по этническому происхождению – крымский татарин, но он женат на волжской татарке, освоил татарский язык и говорит на нем в повседневной жизни, а также уверенно считает себя татарином.

8. Аспект прагматично-инструментального использования этничности.

Например, это способ дистанцироваться от ошибочно навязываемой принимающим обществом идентичности, к тому же наделяемой негативными чертами:

«…и чтобы, например, изменить стереотип русского. Ну, тут в Америке стереотип русского… – не очень хорошая репутация… Ну, может быть, это даже связано с той пропагандой, что длится с холодной войны…» [И.2].

В двух других интервью были упомянуты эпизоды, когда идентификация с той или иной этничностью (крымскими татарами) или расовой группой (азиатской) служила способом получения желанного статуса беженца или права на политическое убежище [И.1, И.21].

Нельзя не отметить, что многочисленные смыслы и измерения татарской этничности были в самых разных комбинациях упомянуты участниками интервью (приведенные выше цитаты подтверждают это). Пожалуй, наиболее частыми были: апелляция к своей этнической традиции (языку, культуре, религии, обычаям) как ценному наследию, переданному предками и заслуживающему бережной заботы и воспроизведения детьми; вера в исконность и устойчивую заданность этничности и ее способность выразить глубинную идентичность человека, его социальное «Я» в обществе этнического и расового многообразия. Таким образом, на наш взгляд, собранный полевой материал может служить эмпирическим подтверждением правомерности сложносоставной и интегративной концепции этничности, выходящей за рамки решений, предлагаемых в текущем споре между отечественными сторонниками примордиализма и конструктивизма.

Религиозная традиция, ислам в г. Нью-Йорке и мусульманская идентичность

Весьма примечательно, что в 1960-х годах ассоциация татар г. Нью-Йорка называлась «Американская исламская ассоциация», и лишь в 1970-х годах наименование было изменено и уточнено в связи с заметным ростом иммиграции других мусульманских групп, далеких в языковом и культурном плане от этнической традиции волжских татар. С тех пор численность американцев, исповедующих ислам, заметно выросла. Мечети г. Нью-Йорка поддерживаются арабами, пакистанцами, турками. Одной из первых считается мечеть, открытая в Бруклине в начале 1970-х годов и принадлежавшая ранее крымским татарам. Свою «шикарную мечеть» [И.5] имеют польские татары, полностью забывшие татарский язык и говорящие на польском языке, но устойчиво приверженные исламу. В религиозной жизни этнический фактор не является ведущим, поэтому, например, в г. Вашингтоне существует мечеть Мусульман Мира без какой-либо этнической «привязки».

Волжские татары не имеют отдельной мечети. «Старая эмиграция» татар в дни значимых религиозных событий и праздников отмечает их в здании ассоциации, что не мешает тем из них, кто посещает богослужения, бывать в разных мечетях по собственному выбору и предпочтению. Степень и характер религиозности оказывается фактором, несколько разделяющим татарское сообщество, особенно ту его часть, что участвует в жизнедеятельности ассоциации. По мнению респондентов, принадлежащих к статусной группе «старых татар», «новые татары» не только имеют другие привычки, в общении предпочитают русский язык, вместо того чтобы поддерживать свой родной, но и отстранены от религии, от мусульманства. В этом наблюдении, пожалуй, нет ничего неожиданного, если помнить о том, что большая часть представителей постсоветской волны эмиграции родились и выросли в СССР в условиях господства атеистической идеологии и маргинализации любых религиозных практик, в том числе мусульманской веры и культа.

Интервью показали, что, хотя отношение респондентов к религии и вере заметно разнится, референтной религией для интервьюируемых является ислам и мусульманская традиция, а не какая-либо другая, даже в случаях выраженного рефлективного отношения к вере и к Богу. Кейс-стади выявило всю полноту шкалы оценок религиозного чувства и отношения к исламу: от глубокой веры до уверенного атеизма. Пожалуй, наиболее пестрыми и разноречивыми оказались взгляды и ощущения представителей «новых татар», в каком-то смысле «открывавших» заново свою религиозную традицию в конце 1980-х – начале 1990-х годов. В целом, в состоявшихся интервью обозначились с достаточной определенностью разнотипные позиции.

1. Глубокая и искренняя вера в добрый и миролюбивый ислам:

«Мусульманская религия – очень объединяющая религия, очень теплая, очень… *peaceful religion* [в переводе с англ. яз. «миролюбивая религия»]. И мне кажется, ислам нас объединяет, наши души становятся добрее» [И.2];

«Именно *безнең ислам дине тота безне* [в переводе с тат. яз. «наша мусульманская религия сохраняет нас»]. Мы знаем, что самые ценные человече-

ские качества – это вот… доброта, порядочность, уважение и вот это самое… Самая цель – *яхшылык* [в переводе с тат. яз. «благодеяние»]» [И.2].

2. Вера в Бога и приверженность исламу как живая связь с традицией семьи, как «лицо» своего народа:

«Отец и мать меня родили, дали имя и воспитали как мусульманку. Родилась мусульманкой, мусульманкой и умру, Бог даст» [И.6];

«По-своему верующий. По-своему. Не такой, что соблюдает пятикратный намаз. Но религию, свою религию, люблю. И детей этой религии стараюсь научить» [И.9].

3. Следование исторически принятой мусульманской традиции, во многом инерционное.

Данная позиция близка вышеназванной, но характеризуется меньшей степенью религиозности. «Я, в принципе, считаю, что я – верующая. И родители нас как-то [приучали] с детства» [И.7];

«…может, еще не возраст – молиться там или что… Но в душе я всегда в Бога верю. И детей так же приучала всегда» [И.4].

4. Признание культурной традиции ислама, выражающееся в эпизодическом, избирательном и, скорее, пассивном участии в религиозной практике:

«…В мечеть стараюсь ходить, но не хожу»; «стараюсь соблюдать религиозные праздники, которые справляются в татарском обществе» [И.1].

5. Вера в Бога вообще, отличающаяся сомнениями, рефлективностью и критическим осмыслением практик ислама:

«Я считаюсь мусульманкой, но мусульманская религия мне тоже не нравится. Я молюсь Богу. И мне Бог помогает» [И.5];

«Я, наверное, верю в Бога через Аллаха, что ли?» [И.3].

6. Атеистическое отрицание веры и скептицизм светского сознания:

«Наверное, да, атеист. *I question things* [в переводе с англ. яз. «Я все подвергаю сомнению»]. <…> Я не верю в Бога. <…> Я считаю, что религия – это страшно. И жалко, что это делает людей слабее, потому что не дает возможности быть сильными самим, а заставляет уповать на что-то другое» [И.8].

При всем расхождении мнений и оценок большинство участников интервью говорили о религиозности своих предков (чаще всего упоминался пример бабушек), упорном исполнении ими требований исламской веры и культа, участии в духовном воспитании детей и внуков. Однако в современных условиях следовать религиозным предписаниям оказывается зачастую невозможным в силу включенности иммигрантов в систему социальных отношений светского общества, и прежде всего из-за их большой трудовой занятости за пределами этнических коллективов в многокультурной и плюралистичной среде.

Американская политика иммиграции второй половины XX века и мультикультуралистские ориентации сегодняшнего дня позволили татарам сохранить свое этническое «лицо» в частной жизни. Тем не менее, в публичной жизни более важным является не этнический, а социально-экономический и профессиональный статус индивида. Весьма сильны ассимиляционные «давления» на эту малую в количественном отношении группу. Как отмечали респонденты, явно не хватает «критической массы» численности татар, чтобы сопротивляться ассимиляции и уверенно говорить о будущем. «Татары исчезают», «татары

теряются» – таков лейтмотив ряда интервью. Несмотря на желание сохранить этническую традицию посредством заключения браков между своими, из-за малочисленности татар и дисперсности их расселения это все чаще становится слишком сложным и даже невозможным. Молодежь нередко заключает браки с итальянцами, индийцами, немцами и представителями других народов. Для них, вероятно, со временем этничность может стать символической. Однако не менее реален и другой сценарий: актуализация с возрастом этничности, влекущая за собой переоценку стиля жизни. Практики американского индивидуализма, приоритет личной свободы над авторитетом родителей, релятивизация традиционных ценностей подрывают «этнические корни». Тем не менее, они нередко оказываются более крепкими, чем принято считать, и становятся той опорой, которая дает чувство дома, родного и теплого, в глобализирующемся, стандартизирующемся и обезличивающемся мире.

Summary

L.R. Nizamova. Multiple identities of the Tatar community of New York City (experience of the fieldwork abroad).

The article presents the concept and results of the project “The Return of the Ethnic: Multicultural Values and Practices in the Era of Globalization” that was focused on the study of the American Tatar minority group. The American Tatar Association of New York City was the basis for collecting data about the community and the channel of establishing contacts for further interviewing. The sample included the Volga Tatars that were the citizens of the USA or had the status of the green card holders. Examination of the ethnic, national and religious values and practices, evaluation of their relationship appeared to be a foundation for the conclusion on the multiplication of the cultural and political identities of the Volga Tatars in the USA.

Литература

1. Harvard Encyclopedia of American Ethnic Groups. – Cambridge, Mass.: Belknap Press of Harvard Univ. Press, 1980. – 1076 p.
2. Gale Encyclopedia of Multicultural America: 3 v. / Ed. by J. Lehman. – Gale Group, 2000. – 1974 p.
3. American Immigrant Cultures. Builders of a Nation: 2 v. / Ed. by D. Levinson, M. Ember. – N. Y.: MacMillan Reference, 1997. – 1091 p.
4. *Каримуллин А.* Америка татарлары тарихыннан // Каримуллин А. Язмыш, язмыш… – Казань, 1996. – С. 197–208.

Поступила в редакцию
10.09.07

Низамова Лилия Равильевна – кандидат социологических наук, доцент кафедры социологии факультета журналистики и социологии Казанского государственного университета.

E-mail: *Lilia.Nizamova@ksu.ru*